В то время как сельскохозяйственные реформы Бернегара медленно, но верно осуществлялись по всему герцогству, этот человек испытывал большие трудности. Скоро Аделе исполнится четырнадцать лет, и он понятия не имел, что подарить девочке.

Хотя помолвленная пара не жила вместе, это не означало, что Беренгар не осыпет свою маленькую невесту подарками. Он посылал ей платья, туфли, украшения и модные аксессуары, которые подходили бы императрице при каждом удобном случае.

Конечно, день рождения Аделы был не единственным, к которому Беренгару пришлось готовиться, день рождения Линде был вскоре после её дня рождения, и, как и Адела, он осыпет её щедрыми всевозможными подарками, когда у него будет возможность. Он действительно испортил двух своих женщин до такой степени, на какую не способен нормальный герцог.

День рождения Аделы был 9 сентября, а Линде 15 октября; разница между ними составляла чуть больше месяца. Что касается Беренгара, то его день рождения был 21 декабря. Тем не менее, он откровенно не заботился о своём дне рождения; он просто станет ещё одним днём в году после определённого момента.

Пока он не сможет заполучить в свои руки драгоценное вещество, известное как шоколад, Беренгар будет весьма разочарован своим днём рождения, поскольку не мог продолжать свою ежегодную традицию есть трёхслойный немецкий шоколадный торт, что для него было катастрофой.

Однако в данный момент это было не важно; важно было подарить Аделе подходящий подарок на день рождения. Он мог бы легко сделать покупки для Линде; он просто попросил бы своего портного сшить ей роскошный и, что более важно, сексуальный комплект нижнего белья; однако для такой женщины, как Адела, это было не совсем то, что он мог сделать, не чувствуя себя подонком.

Таким образом, он вёл серьёзные дебаты со своим разумом, сидя в кресле и попивая из чаши с черепом, наполненной пивом. Он был очень обеспокоен этим вопросом; он не мог просто подарить ей ещё какие-то бессмысленные украшения или одежду. Это должно было быть что-то исключительное, что-то, чего девушка обычно от него не получала.

Именно в этот момент он подумал о чём-то интересном, о чём раньше не задумывался. Что, если он купит ей новую лошадь? Что-то экзотическое, импорт которого стоил целое состояние. Что, если он купит ей белую арабскую лошадь?

Для него эта идея была идеальной, он никогда не покупал ни одну для своих женщин лошадей, и он знал, что Адела любила этих животных. Линде любила кошек, но Адела любила лошадей. Подумав о такой идее, он сразу же приступил к написанию письма своему старому другу Арету из Византийской империи. Если бы Беренгар знал кого-нибудь, кто мог бы подарить ему белого арабского коня ко дню рождения Аделы, то это был бы Стратег Ионии.

Составив текст письма, он быстро отправил его с надлежащей доставкой. Именно в такие

времена Беренгар серьёзно скучал по современному миру и его передовым методам коммуникации. Отправив свой запрос, Беренгар вернулся в свой кабинет, где тяжело вздохнул, прежде чем разлить дистиллированный спирт.

Когда дело дошло до крепких напитков, Беренгар выбрал виски и, хотя эта партия не была выдержана в какой-либо серьёзной степени, этого было достаточно, чтобы успокоить его нервы. Беренгар начал размышлять о последних полутора годах своей жизни. За это время произошло так много событий, что у него редко выпадал такой момент, чтобы расслабиться. Ему повезло, что он остался жив, не говоря уже о том, что добрался так далеко, как добрался.

Он всё ещё понятия не имел, как он перевоплотился в этот мир, но начал подумывать, что, возможно, это была какая-то форма работы Бога, но если это так, то что могло стать Его мотивом действий для этого? Это были те идеи, которые Беренгар подчёркивал в свободное время.

Он был так занят размышлениями весь день, что не знал, как отключить мозг, поэтому, чтобы успокоиться, он думал о вещах, которые нельзя было доказать, и просто размышлял о них как о умственном упражнении. По крайней мере, это поддерживало его разум здоровым.

В последнее время Беренгар так много времени проводил в своём кабинете, что для него стало второй натурой приходить в эту комнату и садиться, даже если ему нечего было делать. Линде начала шутить по поводу того, что он проводил больше времени с кожаным креслом в своём кабинете, чем с ней.

Заговори о дьяволе, и он явится; в тот момент, когда Беренгар подумал о своей возлюбленной, он услышал стук в дверь, на который быстро ответил.

- Войдите. - после этого Линде появилась в другом небесно-голубом платье.

Когда она не была одета в цвета его дома, ей, как правило, нравилось одеваться в небесно-голубое и белое, так как это подчеркивало её красивые глаза. Увидев свою красивую возлюбленную, стоящую перед ним со счастливой улыбкой на лице, Беренгар смутился; поэтому он спросил об этом.

- Что сделало тебя такой счастливой!

Линде подошла к Беренгару, схватила его за руки и без всяких объяснений потащила прочь. Любопытствуя, что так взволновало женщину, он вскоре позволил ей это сделать. Женщина, которую он любил, быстро потащила его в комнату Ганса, где она открыла дверь, чтобы показать маленького ребёнка, стоящего на двух ногах и идущего к Генриетте, которая была рядом и улыбалась. Беренгар не слишком удивился, когда увидел это; в конце концов, ребёнку давно пора было идти.

Однако то, что произошло дальше, сильно удивило его; мальчик увидел, как его отец вошёл в

комнату, и подбежал к нему так быстро, как только мог, говоря: «Папа! Мама!» Это ошеломило Беренгара; ребёнку ещё предстояло пройти несколько этапов, прежде чем он, естественно, сможет произносить слова. Тем не менее, он чётко сформулировал термины, которые обычно были первыми словами ребёнка примерно в возрасте двенадцати месяцев. Увидев такое странное происшествие, Беренгар не смог сдержать своих мыслей и позволил им сорваться с языка.

- Срань господня!

Линде сразу же впилась взглядом в Беренгара, когда тот употребил нецензурную брань в присутствии их маленького сына, и та мгновенно захлопнула свою ловушку. В этот момент Гансу было почти девять месяцев; в конце концов, он родился в самом конце прошлого года, тогда ещё не было даже сентября. Несмотря на это, он шёл довольно легко и уже в какой-то степени разговаривал.

Беренгар не мог не поверить, что мальчик был в какой-то степени гением, и он быстро уставился на Линде в замешательстве. То, как он смотрел на Линде, заставило её почувствовать себя неловко, и она неловко поинтересовалась его взглядом.

- Что? Почему ты так на меня смотришь?

Беренгар не стал скрывать, о чём он думает, и быстро раскрыл свои мысли.

- Какие супер-гены есть у вашей семьи?

Линде, конечно, понятия не имел, что такое генетика, и поэтому была глубоко озадачена вопросом Беренгара. Таким образом, она выразила своё замешательство.

- Гены?

Беренгар просто покачал головой и отбросил эту мысль:

- Неважно, это не важно...

Он знал, что ребёнок не получил интеллект от своей семьи. В то время как семья Джулиана была выше среднего по интеллекту, а некоторые только что преодолели барьер, чтобы поступить в Институт, в его семье не было законных гениев, по крайней мере, в классическом смысле.

Конечно, в тот момент, когда он подумал об этом, он понял, что это тело не имело того же генетического состава, что и его первоначальное тело. Размышляя о таких вещах, Беренгар вынужден был признать, что он мало что знал о родословной фон Куфштейнов, кроме того факта, что они были домом воинов.

Возможно, ребёнок унаследовал свой интеллект от генов Беренгара, честно говоря, он не знал ответа, но если ребёнок окажется таким умным, каким Беренгар думал, что он будет основан на признаках, доступных ему в настоящее время, то это был хороший показатель того, что Ганс может быть образцовым кандидатом на то, чтобы преуспеть в будущем.

В конце концов малыш подбежал к Беренгару, где молодой герцог поднял мальчика и взъерошил его светло-рыжие волосы. Беренгар с любовью посмотрел на своего ребёнка, прежде чем посмотреть ему в глаза и сказать что-то глубокое.

- Дитя моё, однажды ты станешь более великим человеком, чем я! - то, как Ганс посмотрел на Беренгара, казалось, он понял, что Беренгар имел в виду.

Однако Беренгар просто обнял сына, прежде чем вернуть его матери. Пройдёт ещё много времени, прежде чем Ганс сможет продемонстрировать свой истинный потенциал, но Беренгар очень верил в ребёнка.

Приятно было сознавать, что при правильном воспитании Империя, которую, как верил Беренгар, он однажды создаст, после его кончины окажется в хороших руках. Даже если бы один из его других детей оказался более подходящим для должности монарха, Ганс всё равно мог бы сыграть ключевую роль в продвижении и развитии Империи.

Бернегар искренне верил в это и был рад, что ему посчастливилось родить такого исключительного ребёнка. Были ли это его гены или гены Линде, которые произвели такого ребёнка, не имело значения. В конце концов, у них двоих в ближайшие годы должно было родиться ещё несколько детей. Если бы гены действительно оказалось его собственным, то, возможно, его дети с Аделой тоже унаследовали бы такие черты. Только время покажет...

http://tl.rulate.ru/book/62356/2438638